

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕВИЗСКИХ СКАЗОК КАК ИСТОЧНИКА ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ

Со второй половины XIX в. ревизские сказки — первичные документы ревизских переписей населения — использовались в статистических и генеалогических исследованиях. Изучение их было продолжено в советский период — в 1920—1930-х гг. — в рамках местных краеведческих обществ (в Москве — работы Е. М. Звягинцева, в Саратове — работы участников семинара профессора А. А. Герасимова). Негативное отношение и к краеведению, и к генеалогии привело к свертыванию этих исследований. Только в 1952 г. появляется проблемная статья Е. П. Подъяпольской, вновь привлекая внимание к богатству данных этого источника и возможностям их обработки,¹ и с 1960-х гг. начинается регулярная публикация таких исследований. Особенно активизировалось изучение ревизских сказок в последнее десятилетие в связи с возросшим интересом к исторической демографии.

Среди других источников по исторической демографии России периода феодализма сказки выделялись тремя основными особенностями, которые наиболее активно эксплуатировались исследователями.

Во-первых, ещё в дореволюционной литературе в комплексе собственно ревизских документов сказки были выделены как самостоятельный источник, обладавший большими преимуществами по сравнению с итоговыми документами ревизий. Итоги содержали множество ошибок, причиной которых были и неполнота данных, представлявших с мест, и неточные расчеты по этим данным. Поэтому одним из направлений использования ревизских сказок стали перерасчет суммарных показателей структуры и движения населения, а также расчет тех показателей, которые вообще не входили в итоги, но для которых в сказках были нужные данные. Такая работа была проведена статистиком Д. П. Журавским по населению Киевской губернии в IX ревизию,² в советское время с аналогичной задачей обращались к ревизским сказкам Е. М. Звягинцев, А. В. Муравьев и другие.³

¹ Подъяпольская Е. П. Ревизские сказки как исторический источник // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С.311—321.

² См.: Перковский А. Л. Воспроизводство крепостного населения Киевской губернии в 1834—1850 гг. // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI—начало XX в.). Таллинн, 1986. С.184.

³ Звягинцев Е. М. 1) Рост населения в московских слободах XVIII века//

Во-вторых, и от итоговых документов ревизий, и от церковной статистики сказки отличались тем, что различали естественное и механическое движение населения, а с повышением мобильности податных сословий, особенно городских, сказки с обязательным персональным указанием, кто, когда и откуда прибыл и куда выбыл, становились незаменимым источником для изучения перемен в составе населения «в такой подробности, которая недоступна даже для статистиков Западной Европы», как отметил в своем исследовании В. В. Трубников.⁴ Методика, примененная в его работе, вышедшей в 1858 г., не утратила своего значения и сегодня. Автор исследует (сравнительно по сословиям) структуру и баланс движения населения по совокупности причин, структуру населения по полу, возрасту, гражданскому состоянию, величине и структуре семьи, сравнивает динамику демографических структур города и деревни. Погодные показатели естественного движения населения сравниваются с общероссийскими и европейскими. В русле этих же задач и методики лежат работы Е. П. Подъяпольской, Ф. И. Лаппо, В. М. Проторчиной, В. И. Крутикова и Л. М. Рянского.⁵ По детальности, комплексности и качеству анализа эти работы значительно уступают исследованию В. В. Трубникова, особенно если учесть, что многие положения только рекомендованы, но не реализованы и не исследованы с методической стороны.

В-третьих, ревизская сказка составлялась на семью и каждая последующая ревизия фиксировала все изменения: браки, рождения, смерти, разделы. На этом базировался ряд ис-

Тр. О-ва изучения Московской области. М., 1930. Вып.6, ч.2. С.133—148; 2) Динамика населения докапиталистической Москвы // ААН СССР, ф. 537, оп.1, д.20; *Муравьев А. В.* Посадское население Москвы в первой четверти XVIII века // Научные доклады высшей школы. Ист. науки. 1959. № 4. С.97—105; *Проторчина В. М.* К вопросу о составе населения г. Воронежа в период первой ревизии // Тр. Воронеж. гос. ун-та. 1969. Т.87. С.118—127; *Кушева Е. Н.* Саратов в третьей четверти XVIII в. // Тр. Нижне-Волжского обл. науч. о-ва краеведения. Саратов, 1928. Вып.35, ч.2. С.1—57.

⁴ *Трубников В. В.* Результаты народных переписей в Ардатовском уезде Симбирской губернии // Сб. статистических сведений о России, издаваемый Статистическим отделением Имп. рус. географич. о-ва. СПб., 1858. Кн.3. С.353.

⁵ *Подъяпольская Е. П.* Ревизские сказки...; *Лаппо Ф. И.* Ревизские сказки как источник по истории русского крестьянства: (по материалам 3-й ревизии) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960. Киев, 1962. С.236—247; *Проторчина В. М.* Население Воронежа в период второй ревизии (1743—1745) // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1972. Вып.4. С.104—120; *Крутиков В. И.* Ревизские сказки как источник для изучения демографических процессов в крепостной деревне в период кризиса феодализма // Социально-демографические процессы в российской деревне: (XVI—начало XX в.). Таллинн, 1986. Вып.1. С.173—182; *Рянский Л. М.* Об изучении естественного прироста сельского населения в период кризиса феодальной системы // Там же. С.193—198.

следований по генеалогии податных сословий и истории семьи.⁶

Таким образом, данные сказок использовались в первую очередь как объект счета и учета. Учитывались лица, обладавшие определенными признаками, рассчитывались суммарные, средние, относительные показатели. Этим задачам подчинялась и источниковедческая сторона вопроса. Описывался формуляр сказок или же указывалось на наличие интересующих исследователя данных, оценивалась полнота учета лиц, подлежащих переписи, более подробно исследовался тот признак, который служил затем основой поиска данных, их группировки и расчета соответствующих показателей.

Совокупный опыт исследований подтверждает установившееся мнение о ревизских сказках как о первостепенном источнике по социально-демографической истории России периода феодализма. Но сопоставление отдельных работ указывает на существование ряда проблем, частично не решенных, а иногда и не поставленных.

Прежде всего исследователи совершенно справедливо подчеркивают богатое содержание источника: имя, пол, возраст, семейное положение, происхождение, национальность, вероисповедание, жилье, занятия, доходы, социальное положение, состав семьи, дата и причина прибытия и выбытия, место рождения, физические недостатки. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что описываемые в публикациях наборы данных в сильнейшей степени зависели от времени проведения ревизии, местности, сословия, специфических интересов ревизоров. Содержание сказок варьируется от подробнейших жизнеописаний до весьма скудных перечислений ревизских душ. Достаточно сказать, что сведения о половине населения — о женщинах — даже после третьей ревизии фиксировались не везде и не всегда. Это значит, что каждый комплекс сказок должен исследоваться индивидуально, а выводы не могут быть распространены на все сказки, хотя бы содержание их и должно было регламентироваться общероссийским формуляром.

⁶ См: Чулков Н. П. Московское купечество XVIII—XIX веков: (генеалогические заметки) // Русский архив. 1907. Кн.3. Вып.12. С.489—502; Репин Н. Н. Генеалогические заметки и торговые биографии крупнейших представителей купеческого мира России в конце XVII—XVIII в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1982. Вып.2. С.21—32; Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: (Из истории формирования московской буржуазии). М., 1988; Гришкина М. В. Удмуртская семья в XVIII — первой половине XIX в. // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII—XX вв. Устинов, 1985. С.3—17; Кох О. Б. Крестьянский двор и крестьянская семья на Русском Севере: Автореф. дис... канд.ист. наук. Л., 1987; Миненко Н. А. Русская крестьянская семья Западной Сибири: (XVIII — первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979; Сваране М. А. К вопросу о размерах семей в Риге в конце XVIII и первой половине XIX века // Тезисы докладов II Всесоюзного семинара по исторической демографии. Рига, 1977. С.93—96, и др.

Далее, наличие в источнике определенных данных еще не означает, что из него может быть извлечена соответствующая информация. Например, в сказках всегда указываются имена персонажей. Но при попытке использовать эти данные в генеалогических исследованиях оказалось, что для идентификации лиц точность их недостаточна, поиск нужных лиц часто не приводит к успеху.

В исследованиях по истории семьи, чтобы отличить фактический раздел от юридического, выделить самостоятельную семью в составе общего двора, к которому она приписана, или же просто выделить семью в валовом перечне населения, приходится привлекать дополнительные документы.⁷

Запись: «у него жена... у них дети...» — может суммировать детей от разных браков, рожденных разными женщинами.

Возраст, указанный в сказках, как правило, с точностью до года, а иногда и месяца, искажается и аккумулируется настолько, что данные пригодны к использованию только в укрупненных интервалах по 5—10 лет.

Самая главная особенность ревизских сказок заключается в том, что точное определение основных составляющих естественного движения населения невозможно, так как сказки не содержат сведений о детях, родившихся и умерших или выбывших в межревизский период. Поэтому данные о естественном движении населения, зафиксированного в сказках, могут служить только для сравнительного изучения. И здесь при построении простейших показателей встают две взаимосвязанные проблемы: комплексность анализа данных и, следовательно, сопоставимость показателей. Поясним это на весьма распространенном примере — расчете показателей смертности.

Очевидно, что данные об умерших несопоставимы, если они не привязаны к возрастной структуре населения. Повышенную смертность дает стареющее население с переизбытком лиц старшего возраста и очень молодое население ввиду высокой детской смертности. В определенных возрастах увеличивается смертность замужних женщин при родах.

Поэтому для сопоставимости данных необходим учет по меньшей мере подробной возрастной структуры, половой структуры, структуры населения по гражданскому состоянию. Далее, число умерших должно быть соотнесено с общей численностью населения. Если сравнивать его с населением на начало изучаемого периода, смертность может оказаться заниженной, так как в базу попадают мигранты, люди, позднее

⁷ См.: Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в. С.14—17.
⁸ Кох О. Б. Крестьянский двор... С.6; Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала: (конец XIX — начало XX в.). М., 1971. С.42, 45.

выбывшие из данного пункта, в том числе и умершие, но в другом месте. Сравнивая со средней величиной населения за весь период, мы усложним анализ встречными и не всегда компенсирующимися потоками мигрантов и необходимостью учета вновь рожденных. Кроме того, мигрируют, как правило, лица активных возрастов, преимущественно самые крепкие и жизнеспособные.

Значит, долю умерших надо отсчитывать от немигрирующей части населения, предпочтительно с ежегодной поправкой на вновь выбывающих, т. е. должна быть привлечена информация сказок о дате и причине выбытия.

Сравнивать показатели смертности за межревизский период можно, если только между ревизиями проходило одинаковое время. А так как межревизские интервалы были неодинаковы (от 4 до 23 лет), смертность надо рассчитывать как погодную, т. е. разделить показатель на число лет между ревизиями. Но ревизии тянулись не по одному году, и для каждой существовала некая базовая дата, до которой все умершие и выбывшие по другим причинам считались умершими и выбывшими до ревизии и после которой все выбывшие относились уже к другому межревизскому интервалу. От этой же даты ревизоры отсчитывали изменения в возрастах. Она не всегда совпадала с официальной датой начала или конца ревизии, ее нужно восстанавливать по всему комплексу данных или же ограничивать исследуемый период четкими границами и в число умерших включать только тех, у кого год смерти попадает в этот период.

Существенное влияние на показатели детской смертности может оказать календарное время проведения ревизии. Если основная масса сказок собиралась летом и осенью, к следующему лету младенцы, попавшие в сказки, были, как правило, уже старше одного года. Если же ревизия проводилась зимой, лето младенцы могли встретить еще в очень нежном возрасте и традиционная летняя вспышка желудочно-кишечных заболеваний резко увеличивала соответствующий показатель.

Далее, для сопоставления смертности в населенных пунктах со сложной социально-экономической структурой нужно учитывать еще и социальную, имущественную, культурную, а иногда и религиозную дифференциацию населения.

Таким образом, сопоставимость показателей требует учета целого комплекса данных. А поскольку искажения данных влияют на сопоставимость не меньше, чем, скажем, недоучет ревизских душ, оцениваться должна не только полнота, но и точность сведений ревизских сказок, в первую очередь это касается дат рождения и смерти и соответственно возрастов.

⁹ См.: Перковский А. Л. Воспроизводство крепостного населения... С. 192.

Но именно эти основные демографические характеристики населения пока что практически не исследованы и не использованы историками. Объясняется это прежде всего слабой изученностью источника и его возможностей. На сегодняшний день только ревизские сказки эстляндского крестьянства были подвергнуты комплексному источниковедческому исследованию в диссертации С. Вахтре,¹⁰ в которой в том числе количественную оценку получила точность возрастных данных: погрешность, расхождение с церковными документами, степень аккумуляции, возрастание точности в VIII—X ревизиях по сравнению с IV—VIII и т. д. Это по сути первая работа с источниковедческим анализом возрастных данных и первая после В. В. Трубникова работа с комплексным анализом половозрастной структуры населения и структуры по гражданскому состоянию.

Вторая причина слабого использования информационного потенциала ревизских сказок — это трудоемкость обработки данных, отсюда ограниченность числа показателей территории и времени (одна ревизия — один уезд) и т. п. А попытки снизить трудоемкость обработки, сохранив представительность результатов, путем замены всего массива данных выборкой снова приводят к проблеме сопоставимости показателей — в выборке и в генеральной совокупности. Выборка, чтобы быть представительной, должна осуществляться по всему комплексу признаков, влияющих на демографические показатели, в противном случае возможны искажения показателей.¹¹

В свою очередь расширение количества признаков, учитываемых в исследовании, детальный их анализ требуют выяснения вопроса о точности, с которой они приводятся в сказках. Но, чтобы свести до минимума погрешности источника, обеспечить определенную точность данных сказок одной ревизии, их необходимо сопоставить со сказками по меньшей мере еще двух ревизий: последующей и предыдущей. Последующей — так как ошибки в сказках находились в течение всего межревизского периода и исправления вносились в сказки следующей ревизии. Предыдущей — так как сказки существовали в нескольких копиях, при переписке возникали дополнительные ошибки (описки), а исправления не были идентичными во всех экземплярах, т. е. точность данных зависела и от того, с каким именно экземпляром работали ревизоры и какой экземпляр достался исследователю. Таким образом, объем работы снова возрастает.

Весь существующий опыт обработки массовых источников указывает на единственный путь повышения информационной

¹⁰ Вахтре С. Подушные ревизии в Эстляндской губернии (1782—1858) и их данные как источник истории крестьянства: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тарту, 1970.

¹¹ См.: Рянский Л. М. Об изучении естественного прироста... С. 197—198.

отдачи этого важнейшего источника: создание машинных банков данных в виде, максимально близком к оригиналу. Это даст возможность прежде всего вовлечь в оборот весь комплекс данных ревизских сказок, что в свою очередь позволит поставить задачу разработки различных методик, которые могут быть сравнены, модифицированы, обобщены и использованы для получения надежных демографических показателей.

А. С. ТУРГАЕВ

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПАХОТНЫХ СОЛДАТ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПРЕДРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Важной задачей советских историков остается изучение сложных и многообразных процессов в русской деревне в первой половине XIX в., результатом которых стало проведение крестьянской реформы и бурное развитие капитализма, когда «на смену крепостной России шла Россия капиталистическая».

Вскрыть общие закономерности социально-экономического развития страны в предреформенный период можно только путем детальных региональных исследований, которые проводятся историками во все более широких масштабах. Вместе с тем исследователи феодальной России отмечают сохранение в стране вплоть до второй половины XIX в. многочисленных разрядов населения, категорий и групп крестьян, отличавшихся одна от другой как особенностями правового статуса, так и реальным положением.² В. И. Ленин называл это характерным свойством феодальной социальной структуры, указывая, что «вся эта пестрота была естественна и необходима в средние века, во времена далекого прошлого...».³

Проанализировать юридические и экономические особенности различных сословных групп крестьянства — важнейшая задача советских историков, приобретающая особую актуаль-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 141.

² Литвак Б. Г. Сословно-групповые особенности крестьянского движения в период кризиса крепостничества // Социально-экономические проблемы российской деревни. Ростов н/Д, 1980. С. 137—138; Преображенский А. А. Об эволюции классово-сословного строя в России // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 69—82; Раскин Д. И. Влияние различий в правовом положении на крестьянское общественное сознание // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 103—113.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 381.